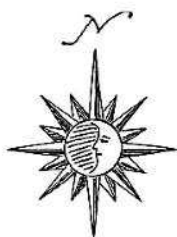

КОСТЯНАЯ ВЕДЬМА
КУЗНЕЦ ДУШ

Продолжение следует...

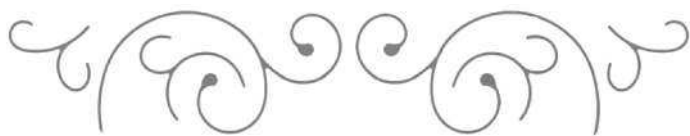
Даанорийское
море

Быстрые воды

Желтое
море

море
Одалии

ЧУДОВИЩЕ СВИРЕПСТВОВАЛО, его злоба буквально пронизывала воздух. Но от девушки тоже исходила сильнейшая ярость. Она стояла без оружия, лишь несколько алмазов сверкали над головой, в темной копне волос, подобно звездам на небе. Брони на ней не было, кроме прекрасного платья хуа¹ из дамасского шелка цвета красного дерева и янтаря. По всему подолу тянулся вышитый золотой дракон, половина туловища которого исчезала за широким поясом. Она вскинула руку, однако в ней я ничего не увидел. В отличие от чудовища, чей гнев утих, и теперь доносилось только тихое поскуливание.

— На колени, — приказала девушка, и вопреки всем ожиданиям дэв² подчинился. Демон опустился на колени и склонил голову.

«Семнадцать», — подумал я. Ей не больше семнадцати. Этим возрастом объясняется поэтичность ее лица: безупречная смуглая кожа, вздернутый нос и решительно вскинутый подбородок. Но он вовсе не объясняет взгляд старухи, поселившийся

¹ Разновидность древнекитайского военного платья.

² Дэв — сверхъестественное существо, встречающееся в иранской, славянской, грузинской, армянской, тюркской мифологиях.

в огромных черных озерах глаз, где для света нет места.

Девушка стояла напротив демона в четыре раза выше ее и весом в несколько тонн. Но от одного прикосновения ее руки он сжался. Слоноподобное чудовище со шкурой цвета мертвых деревьев и полным ртом гигантских, словно бивни, зубов даже не нападало. Обладая клыками, острыми как нож, оно боялось. И вместе они создавали причудливую картину: на пляже из пепла и ила стоят девушка и монстр, волны, разбиваясь о берег, поднимают брызги морской воды и соли.

Чудовище, глядевшее на нее отупевшими белесыми глазами, снова заскулило. Девушка улыбнулась. А после, погладив его уродливую морду, склонилась к омерзительным желтым зубам, будто желала поделиться с ним какой-то тайной.

— Умри, — прошептала она.

Дэв вздохнул с облегчением. Повалился на бок и, в последний раз умоляюще вскинув к ней голову, умер.

Девушка поднялась на ноги и вынула из рукава нож. Рукой пошарила по челюсти и шее чудовища. Нащупав место посреди горла, она вонзила лезвие в загрубевшую плоть. Из зияющей раны с бульканьем полилась черная жидкость — блестящая, как масло, и густая, как сироп.

Я отвернулся. К горлу невольно подступила съеденная пища, которую я с трудом удержал в себе.

С пальцев девушки стекала кровь и грязь. Из внутренностей существа она извлекла идеально круглый камень. Он был гладким, размером с ладонь, и сиял рубиновым цветом. После этого

монстр тут же рассыпался, обернувшись кучей пыли.

— Безоар¹, — пояснила она. — Знак всякого дэва. Это существо называют акваном², и его безоар способен распознать все известные виды магии. Но это не объясняет, почему он оказался здесь, в моих владениях.

Несмотря на всю искусность, с которой было выполнено ее хуа, в вышитом на нем драконе проглядывало что-то необычное: слишком длинная морда, а вместо острых зубов и усов — клыки. Нечасто встретишь подобные изъяны на столь пышных нарядах.

В разрезе платья я заметил длинный белый шрам, растянувшийся вдоль бедра. Она и не пыталась скрыть этот изъян. Стояла уверенно, расставив ноги, так что казалось, будто украшенный бисером дракон буквально выпрыгивает из своей сморщенной кожи. Широкий пояс она вопреки традициям носила не туго. Тот был черным, с вышитыми позолоченной нитью хризантемами. Вероятно, это творение принадлежит одной из мастерских Арракана — замысловатая золотая вышивка была их специализацией.

Ее шею украшала красивая цепочка с кулоном в виде сердца. У меня было такое же, но из обычного стекла — гладкое, цвета спелого яблока. Я полагал, что у нее оно, как у всякой аши, будет сиять

¹ Безоар — инородное тело в желудке, конкремент из плотно сваленных волос или волокон растений.

² Акван — в иранской мифологии один из наиболее могущественных дэвов.

серебром из-за клубящегося в закаленном стекле слабого дыма. Но оно оказалось черным, словно ночь.

Смерть акван-дэва была не единственной на этом одиноком берегу. На пустынном пляже тут и там попадались еще кости — останки жертв безжалостных волн, разбившихся об острые скалы. В пронизанных сажей лучах светились огромные грудные клетки. Черепа безмолвно с осуждением пялились на меня своими пустыми глазницами.

Девушка обернулась ко мне, и я впервые увидел позади нее могилу. На одиноком участке травы, зеленевшем посреди песчаного пейзажа, стояла каменная плита. Надписи на ней не было, так что я не знал, кто же похоронен под ней и по кому она скорбит.

— Тебя называют Тией из Углей, — произнес я.

Ничего не ответив, она ждала.

— Я собираю истории, — продолжил я. — Был рожден в Дрихте, но изгнан из него, когда, повзрослев, мог уже свободно мыслить и распевать песни о королях-тиранах. С той поры я зарабатываю себе на жизнь сказками и балладами. Я воочию видел бесконечные войны городов-государств Ядоши. Делил пищу с народами севера и танцевал с племенами Горвекан в Истеранских степях. Наблюдал за тем, как отравляли правителей, вешали последователей Безликих, и выжил в городе, поглощенном морскими водами. Мое имя известно повсюду, а репутация более чем скромна.

— Но я почти ничего не знаю о войнах-аша. Я знаком с их танцами, оружием и легендами, но не с раздорами, сплетнями и привязанностями.

И до сего дня я ни разу не видел, чтобы кто-то из них уничтожил дэва.

Девушка горько рассмеялась.

— Я больше не аша, Бард. Их в отличие от меня люди любят. И мое изгнание на край земли — тому подтверждение. Таких, как я, называют иначе. Мне больше подходит имя Костяной ведьмы. Ты же здесь лишний и сейчас стоишь у меня на пути. Назови мне хотя бы одну причину, почему я не должна убить тебя прямо здесь.

Мне не впервой молить о пощаде, поэтому я сказал:

— Ты же аша и должна знать, как отличить правду от лжи. Испытай меня.

Девушка подошла ближе. Из складок своего хуа она извлекла еще один камень и вложила его в мою ладонь. Меня нельзя назвать знатоком магии, но даже я ощутил мощь заклинаний, вплетенных в ее платье. Вот только не знал, что именно они усиливают: ее красоту — то, ради чего чаще всего используют магию, или же силу, которой и без того в ней было с избытком.

— Если ты говоришь правду, он будет гореть ярко-голубым, — сказала она. — Если соврешь, он засияет глубоким черным цветом. Поэтому тщательнее подбирай слова, Бард.

— Мне приснился сон. Я увидел в небе яркую голубую луну и следовал за ней сквозь облака, пока та не засверкала над пустым серым пляжем, издавна усеянным костями морских чудовищ. Там была девушка с окровавленными руками, пообещавшая мне рассказать сказку, которую даже я не смог бы себе вообразить. «Если чего и жаждут люди больше хоро-

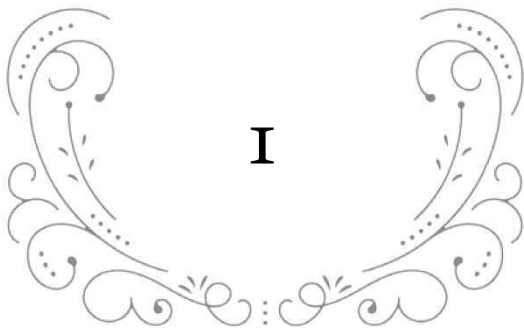
шей истории, — произнесла она, — так это рассказать свою собственную». А проснувшись, я увидел на небе ту самую голубую луну, столь же реальную, как и мы с тобой. Тогда я, доверившись своей интуиции, отправился по тому же пути, что и во сне. Нашел тот самый пляж и ту самую девушку. Я слышал множество историй о тебе от других. Но теперь почти за честь послушать тебя вживую. Позволь мне воспеть твой рассказ, я воздам ему должное.

Волны бились о берег. Над головой кружили стервятники. А сапфир у меня в руке сиял ярко-голубым.

Нарушив молчание, она снова рассмеялась, и воздух содрогнулся.

— А ты самоуверен и любопытен, как я погляжу. Не самое безопасное сочетание качеств. — Она забрала у меня безоар и отвернулась. — Я ухожу через семь дней. Но до тех пор все тебе расскажу.

Я последовал за ней, а сам мучился вопросами, не дававшими мне покоя. Я слышал про нее многое, но вовсе не ожидал, что она окажется столь юной. Зачем семнадцатилетней девушке находиться одной на странном сером пляже, в окружении трупов чудовищ?

ПОЗВОЛЬ МНЕ СРАЗУ ПОЯСНИТЬ: я не собиралась поднимать своего брата из могилы, пусть он и утверждает обратное. Чему я и научилась у него за все эти годы, так это тому, что мертвые скрывают правду не хуже живых. Костяной ведьмой я стала не так давно, что бы там ни говорили, но этот урок усвоила первым.

Теперь я понимаю, почему люди боятся Костяных ведьм. В книжках со сказками, где уничтожают драконов с ониксовыми глазами и спасают благодарных девиц из башен слоновой кости, такой магии не найдешь. Не отыскать ее и в фокусах, где весь обман таится лишь в ловкости рук и иллюзиях. Нет ее и на полях, засеянных рунными ягодами, которые люди собирают для снадобий и заклинаний. Все потому, что магия смерти — могущественная, исключительная и безжалостная. И я с самого начала без труда овладела ею.

По правде говоря, во мне никогда не замечали чего-то необычного или таинственного. Родилась я в одной из крошечных деревушек, разбросанных по королевству Одалия, Найтскроссе. С трех сторон ее окружал красивейший лес, а с одной — холмистые равнины. Единственной моей странностью можно было назвать неутомимую тягу к чтению и учебе. Я прочитала историю о Восьми Королевствах, Пяти Великих Героях и Лжеправителе. Именно так я узнала о владеющих магией ашах, их нескончаемой войне против Безликих — народа лжи и приверженцев Тьмы, присягнувших Лжеправителю. Порой я и сама притворялась ашей. Таки из Шелка, которую сказочный король Маррус взял в жены. Или Надин из Шелеста, которая своим танцем прекратила войну между королевствами Истера и Даанорис.

«Ты, Тия, думаешь столько же, сколько мужчины пьют, — однажды сказал мне отец, — то есть слишком много. Хотя на деле очень мало». Но все равно приносил мне книги с далеких ярмарок и поддерживал мою любовь к пергаменту и бумаге. В какие-то дни, когда его работа в кузнице подходила к концу, я читала для него. Надо было видеть это зрелище: высокий крепкий мужчина с густой бородой сидел, откинувшись в любимом кресле, и слушал, как я своим писклявым голоском читаю детские сказки и легенды.

Да, я действительно родилась в самый пик затмения, когда небо прищурило свой лунный глаз, словно мое появление стало доброй шут-

кой между старыми друзьями. Или же луна, прочитав по звездам мою судьбу, спряталась, не в силах вынести моего рождения. Обычно подобные явления и приписывали Костяным ведьмам. Разве нормальные дети, рожденные под покровом ночи, без единого луча света, могут жить обычной жизнью?

Следует отметить, что некромантией в нашей семье никто не занимался, чего не скажешь о колдовстве. Однако мои старшие сестры были добрыми ведьмами, которые состояли в общине и обычно не занимались призывами мертвых родственников из могил.

Роуз¹ была Лесной ведьмой. Пухленькая, с загорелой под жарким солнцем кожей — даже темнее, чем у фермеров, работающих в полях от рассвета до заката. Она ухаживала за садом с травами и продавала припарки и домашние снадобья от подагры, любовной тоски и других недугов.

Лилак² считалась Водяной ведьмой. Высокая и неподвижная, словно вода в глубоком пруду. Она любила носить вуали, призывать удачу, а порой случайно находить потерянные безделушки. Как-то раз она погадала и мне, но не обнаружила ничего плохого. «Тия способна стать ведьмой, как и мы, если того пожелает, — сказала Лилак матери. — Я вижу ее в прекрасном янтарном платье, с ярко горящими драгоценными камнями в волосах и под руку с красивым принцем.

¹ Rose — роза (англ.).

² Lilac — сирень (англ.).